

ГЛАВА 1

*Москва,
Комитет государственной безопасности,
Управление нелегальной разведки,
май 1975 года.*

Подполковник Богданов заглянул в приемную начальника спецотдела Управления полковника Старцева. Помощник и секретарь Старцева старший лейтенант Николай Орлов с угрюмым видом стоял у своего стола, заваленного архивными папками.

— Привет, служивый, — весело поздоровался Богданов. — О чем дума твоя печальная?

— Здравия желаю, Вячеслав Антонович, — поздоровался Орлов. — Николай Викторович вас ждет.

— Знаю, что ждет, потому и здесь. Ты-то чего такой хмурый?

— Да все одно и то же, Вячеслав Антонович. Папки, папки, папки... Надоело уже. Как осел вьючный, таскаю папки в архив, хоть бы вы уже писать стали поменьше.

— Ну что ты, Коля! Ты гораздо симпатичнее осла, и уж точно умнее. — Богданов подмигнул Орлову.

— Все бы вам шутить, товарищ подполковник. — Орлов еще больше нахмурился. — Вам-то хорошо, вы всегда на передовой. Небось не скучаете.

— Это верно, Коля. Только и нам иногда так хочется поскучать, что сил нет. Вот хоть сейчас: три дня как вернулись в Москву, а начальство уже вызывает. Не знаешь, что на этот раз?

— Никак нет. — Взгляд Орлова посуровел. — Со мной подобные вопросы не обсуждают, вы же знаете, Вячеслав Антонович.

— Так я поэтому и сказал, что ты гораздо умнее осла, — продолжал шутить Богданов. — Осел бы по отрывкам фраз и посетителям ни за что не догадался, что в мире творится, а от тебя ничего не укроется.

— Да не было у товарища полковника посетителей. Только товарищ генерал-майор дважды за день заходил, но на то он и начальник, чтобы подчиненных контролировать.

— Сам Вадим Алексеевич заходил? И для него по два раза в день приходиться — норма?

— Никак нет, товарищ подполковник, товарищ генерал-майор, как правило, товарища полковника к себе вызывает. — Лицо лейтенанта удивленно вытянулось. — И как это у вас, Вячеслав Антонович, получается?

— Что получается, Коля?

— Подмечать все. Я вот внимания не обратил. Ну, пришел два раза и пришел. Значит, надо. А ведь если подумать, то за год, не в пример товарищу Лазареву, товарищ генерал-майор у полковника всего раза три был, а тут за день дважды.

Генерал-майора Кирпиченко Вадима Алексеевича назначили заместителем начальника ПГУ КГБ при Совете Министров СССР в мае 1974 года. Сменив на посту генерал-майора Лазарева, вот уже год он являлся начальником Управления «С» и непосредственным начальником полковника Старцева, который, в свою очередь, возглавлял спецотдел нелегальной разведки Управления «С». За все это время подполковник Богданов, командир спецподразделения «Дон», ни разу не удостоился чести присутствовать на совещаниях и планерках с участием генерал-майора, все приказы и распоряжения он получал от полковника Старцева.

— Не кисни, Коля, и ты бы заметил, не будь гора папок такой огромной, — пошутил Богданов. — Докладывать будешь?

Старший лейтенант потянулся к трубке селектора внутренней связи.

— Товарищ полковник, товарищ подполковник Богданов прибыл, — произнес он в трубку, молча выслушал ответ и положил трубку на место. — Проходите, товарищ подполковник.

Перед самой дверью Орлов внезапно задержал Богданова за рукав.

— Товарищ подполковник, может, замолвите за меня словечко?

— В каком смысле?

— Чтобы товарищ полковник мой рапорт подписал.

— Понятнее не стало. — Богданов нахмурился. — Какой рапорт, Коля?

— В Академию СВР. — Лейтенант с мольбой смотрел на Богданова. — Хочу отучиться и к вам, на передовую.

— Во как! — опешил Богданов. Раньше у лейтенанта таких мыслей не возникало, он вообще считал свою службу чуть ли не важнее разведывательной деятельности всего Управления, и вдруг такой поворот. — Это когда же ты надумал?

— Полгода полковника уговариваю, — зашептал Орлов, боясь, что полковник услышит, слишком уж близко от его дверей шел разговор. — Шесть раз рапорт ему носил.

— А он?

— Рвет молча, выбрасывает и дает новое задание. — Орлов вздохнул. — А мне уже эти бумажки, папки, архивы осточертели!

— Ладно, Коля, подвернется подходящий момент — обязательно поговорю с полковником, — пообещал Богданов, хотя сам идею лейтенанта и не одобрил.

ЛИВИЙСКОЕ САФАРИ

— Спасибо, товарищ подполковник! — обрадовался Орлов. — Вы — настоящий друг, настоящий командир, настоящий мужик!

— Коля, не заставляй меня передумать, — пригрозил Богданов и вошел в кабинет.

Полковник Старцев сидел за столом, склонившись над очередной папкой.

— Вызывали, Николай Викторович?

— Привет, Слава, заходи! — Старцев махнул рукой, приглашая Богданова войти.

Тот вошел, прикрыв за собой дверь, занял место напротив начальства. Старцев изучил страницу рукописного текста до конца, отодвинул папку в сторону и только тогда поднял взгляд на подполковника.

— Что, попал под беспощадные жернова героического лейтенанта? — Глаза Старцева лучились смехом.

— Что-то вроде того, — улыбнулся и Богданов. — И давно у него эта идея?

— Достаточно давно, чтобы заставить меня задуматься о ее удовлетворении. Киснет парень, выгорает. А это для работы не есть хорошо.

— Толкового помощника не так легко найти, Николай Викторович, — со знанием дела заявил Богданов.

— Знаю, Слава, но и жизнь парню губить не хочется. Вдруг он и правда прирожденный разведчик, а я его на канцелярской работе сколько лет уже держу. Эгоизм?

— Может, и так, но ведь для пользы дела. На благо Родины стараетесь. Здесь секретность покруче, чем в спецподразделении.

— И все же присмотришься к нему, Слава. Вдруг парень и правда надежды подает.

— Я вас понял, Николай Викторович. Присматрюсь.

— Вот и славно. Теперь к делу. — Старцев перешел с отеческого тона на деловой. — Много ли тебе известно о советско-ливийских отношениях?

— Ого, снова африканские страны активизировались? Два года не прошло, как нам Египет проблемы подбрасывал, а теперь distinguished Каддафи заигрался?

— Не Каддафи, Слава, а его противники. — Старцев толкнул в сторону подполковника папку, которую изучал до появления Богданова. — Здесь все, что нужно для начала работы, но сперва, так сказать, экскурс в прошлое. Ты знаешь, что Муаммар Каддафи пришел к власти в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году путем военного переворота, сбросив монархическое правление короля Идриса I, поддерживаемое западными странами. Придя к власти, Каддафи превратил страну в республику, управляемую Советом революционного командования. Как и во всех подобных случаях, вскоре началась национализация западного капитала, в первую очередь нефтяной промышленности.

Одновременно с этим он выдворил из страны британских и американских военных.

— Если не ошибаюсь, Каддафи заявил так: «Под свободой мы понимаем такую индивидуальную и национальную независимость, которая исключает нищету, колониализм и присутствие на нашей земле иностранных войск и военных баз». После этого Совет революционного командования (СРК) и правительство Ливийской Арабской Республики (ЛАР) приняли решение о досрочном выводе иностранных войск с территории республики. Переговоры с Англией о ликвидации военных баз проходили в первой декаде декабря тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, и двадцать седьмого марта тысяча девятьсот семидесятого года английские базы были ликвидированы. В декабре тысяча девятьсот шестьдесят девятого года начались ливийско-американские переговоры, которые также прошли успешно. В июне семидесятого последний американский солдат покинул территорию Ливии. После ликвидации иностранных военных баз СРК начал национализацию иностранной собственности. — Богданов выдал информацию, не заглядывая в папку.

— Садись, Богданов, пять. — Старцев улыбнулся. — Да, политподготовке в спецподразделении «Дон» уделяют много времени.

— Эта информация имеется в открытом доступе, почему не изучить? — Богданов пожал

плечами, давая понять, что не находит ничего особенного в своей осведомленности.

— Что ж, в общих чертах ты с ситуацией знаком, тем лучше, — продолжил полковник. — Тогда, скорее всего, тебе известно, что наряду с национализацией иностранной собственности интересы Муаммара Каддафи направлены на наращивание военной мощи, а так как западные страны не слишком заинтересованы в усилении власти Каддафи, то и в вопросах военного снабжения навстречу амбициозному правителю не идут.

— Речь пойдет о поставках оружия?

— Не забегай вперед, подполковник. Известно ли тебе о том, что в марте тысяча девятьсот семьдесят второго года нашу страну посетил Абдель Салам Джеллуд, тогда еще министр финансов ЛАР. Он подписал с правительством СССР соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в производстве и переработке нефти. Спустя два года, уже в качестве премьер-министра, Джеллуд снова нанес визит в Москву и заключил первое соглашение о больших поставках советского оружия в Ливию.

— Судя по тону, сейчас будет «но», — выдержав паузу, произнес Богданов.

— Совершенно верно. «Но» будет, и не в единственном экземпляре. Дальше, подполковник, пойдут сплошные «но» и «однако». Несмотря на подписанные соглашения, которые

стали основой развития экономических связей между СССР и Ливией, политические отношения между нашими странами остаются напряженными. Идеологические расхождения — одна из причин, но не главная. Да, ливийские руководители с подозрением относятся ко всему, что исходит со стороны других стран, но в отношении СССР это происходит не без подачи наших китайских «друзей». Идея о «двух сверхдержавках», культивирующаяся китайским правительством, ставит на одну доску политику СССР и США, что в корне неверно и пагубно для Советского Союза. Несмотря на все старания наших противников, в последнее время взаимоотношения между СССР и Ливией заметно потеплели. В данный момент готовится визит в Ливию советской правительственной делегации во главе с Председателем Совета Министров СССР Косыгиным. И вот здесь начинаются проблемы.

Старцев замолчал.

— Какого рода проблемы, Николай Викторович? — прервал затянувшуюся паузу Богданов.

— В управление внешней разведки поступила информация, что на правителя Ливии, Мухаммара Каддафи, готовится покушение.

— Источник надежен?

— В том-то и дело, Слава, что источник ненадежен. Это не штатный сотрудник внешней

разведки, не резидент разведывательной службы, не завербованный агент из числа приближенных к Каддафи.

— А есть и такие? — удивился Богданов.

— Мальчик мой, если у Советского Союза возникают экономические отношения с главой какого-то государства, он автоматически попадает в число тех, за кем требуется серьезный контроль со стороны органов госбезопасности. С Ливией у нас не просто экономические связи, мы заинтересованы в дальнейшем наращивании сотрудничества, так что да, в этой стране у нас есть свои люди.

— Но информация поступила не от них, — резюмировал Богданов. — Тогда от кого?

— Скажем так: от лица, заинтересованного в том, чтобы правление Муаммара Каддафи продлилось как можно дольше.

— Его проверяли? Это не провокация, Николай Викторович?

— А вот этим, Слава, заниматься будешь ты и твоя команда, — заявил Старцев. — Человек, от которого получена информация, является мелкой сошкой в аппарате Каддафи. Откуда он узнал о готовящемся покушении, нам неизвестно. Знаем лишь то, что с этой информацией он отправился не к тому человеку. Начальник охраны среднего звена попросту побоялся передать сведения выше, так как доказательств у него нет, а вылететь с теплого места из-за по-

дозрений не хочется никому. Детали в папке, ознакомишься позже.

— Ясно. Какова будет конкретная задача? — заторопился Богданов.

— Выяснить обстановку, оценить риски, сделать выводы и разработать план предотвращения покушения, — перечислил Старцев.

— Что ж, ничего нового, все как всегда: сходи туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что, — пошутил Богданов. — Когда вылетаем?

— Завтра в десять утра.

— Команда в полном составе?

— Да, Слава, берешь всех. Как твои желторотики, готовы?

— Если вас интересует теоретическая часть, то да, парни готовы однозначно. А на деле? В деле я их еще не видел, товарищ полковник.

— Вот на месте и опробуешь. — Старцев улыбнулся краешком губ. — И вот что тебе нужно знать еще, Слава. Визит товарища Косыгина очень важен для нашей страны, и я объясню почему. В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году Ливийское правительство ввело квоту на количество дипломатического и технического персонала, которому разрешено присутствовать на ливийской земле. Это ограничение касается посольств США, Великобритании, Франции и СССР. Восемь персон с дипломатическим статусом и семь человек технического персонала. Джеллуд подписал с нашим правительством

договоренности о поставках оружия еще в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году, но развернуться в полном масштабе нам мешают эти пресловутые квоты.

— Чем же они мешают, товарищ полковник?

— А тем, Слава, что пользоваться поставленным оружием ливийцев нужно обучать. Нужно присутствие большого количества специалистов, а при квоте в семь человек техперсонала это невозможно. Визит товарища Косыгина должен все исправить, отменить квоту для Советского Союза, что даст возможность начать поставку советской авиационной техники для Военно-воздушных сил Ливии. А это, сам понимаешь, совсем другие масштабы. В верхах обсудили возможные последствия и постановили: предотвратить покушение любой ценой, визит Косыгина должен состояться на благодатной почве. Теперь изучай материалы, вникай в детали, а к восьми часам вечера собирай команду, автобус отвезет вас на базу. Стартуете с базы в восемь ноль-ноль.

* * *

От полковника Старцева Богданов вышел без четверти четыре. На дорогу до дома потратил сорок минут, припарковал «Москвич» у подъезда и в половине пятого открыл входную дверь.

Квартира встретила подполковника тишиной и пустотой, жена с сыном Артемом должны были вернуться не раньше восьми. В этом году Артему исполнилось пятнадцать, он переходил из средней школы в старшую. Это означало, что он будет больше занят учебой, поэтому Елена старалась использовать оставшееся время, чтобы побыть с сыном. Весь последний год она, как одержимая, таскала Артема по всевозможным выставкам, музеям, литературным вечерам и прочим познавательно-развлекательным мероприятиям. Как ни странно, сын относился к желаниям Елены с пониманием, так что проблем в семье из-за этого не возникло. Правда, из-за гиперактивности жены подполковник Богданов все чаще приходил в пустую квартиру, но с этим он мог смириться.

Богданов прошел на кухню, поставил чайник на плиту. Ему предстояло обзвонить команду, а чтобы делать это с комфортом, он перенес телефонный аппарат из гостиной на кухню, протянув длинный шнур через весь коридор. Устроился у окна, закурил и набрал первый номер телефона, решив для начала пройтись по «старожилам» спецподразделения «Дон». Заместитель Богданова, майор Александр Дубко, трубку не взял. Зато капитан Дорохин поднял трубку после первого же гудка.

— Здравия желаю, товарищ капитан, — нарочито торжественно проговорил в трубку Богданов. Дорохин всего два месяца как получил

новое звание и до жути гордился этим, поэтому ребята из спецподразделения, включая командира, при каждом удобном случае поддразнивали новоиспеченного капитана.

— Здравия желаю, товарищ подполковник, — поздоровался в ответ Дорохин, ничуть не смущенный официальным приветствием. — Дело наклевывается?

— Угадал, капитан. Готов к новым свершениям?

— Я как пионер, товарищ подполковник, всегда готов, — пошутил Дорохин.

— Значит, в восемь вечера, как всегда, на площади Ильинские Ворота.

— Надолго?

— А что, у тебя какие-то планы?

— Никаких особых планов. — Дорохин замаялся, видимо, не желая раскрывать перед командиром истинную причину. — Предупредить кое-кого хотел.

— Ого! У тебя новая подружка? — тут же отреагировал Богданов. — Кто такая? Откуда взялась? Насколько все серьезно?

— Да ничего особенного, командир. Просто знакомая.

— Перед «просто знакомой» ты отчитываться не стал бы, — возразил Богданов. — Давай рассказывай, кто такая?

— Да правда, командир, нечего еще рассказывать.

— Ну, как знаешь, — Богданов сдал назад. — Насчет сроков: на этот раз, думаю, надолго.

— Понял, командир. Буду на месте ровно в восемь.

На этом разговор закончился. Богданов налил в стакан крепкий чай, всыпал сахара, прикурил новую сигарету и повторно набрал номер телефона Дубко. Тот снова не ответил, и Богданов позвонил Казанцу. Юра Казанец пришел в спецподразделение «Дон» восемь лет назад безусым сержантом, за время службы в группе дослужился до прапорщика, а три года назад поступил в Краснознаменный институт (КИ) КГБ СССР, который в 1968 году получил статус высшего учебного заведения. Учеба, совмещаемая со службой в особом отделе при Управлении, — дело нередкое, но утомительное. Трижды Казанец оказывался на грани отчисления, дважды боролся с желанием бросить учебу, но все же испытание выдержал и в прошлом году получил диплом о высшем военном образовании, а вместе с ним и звание лейтенанта. Сложности учебного процесса несколько охладили радость Казанца от получения офицерского статуса, так что, в отличие от Дорохина, новым званием он не слишком кичился.

— Казанец на проводе. — Голос лейтенанта звучал вяло.

— Спишь что ли, Юрок?

— У меня выходной, имею законное право. — Казанец подавил зевок. — По делу, командир, или просто о здоровье справиться?

— А тебе как бы больше понравилось: в постельке нежиться или Родине служить? — поддел Богданов.

— Лучше бы о здоровье, — не стал отпираться Казанец. — Не поверишь, командир, три дня отсыпаюсь, никак отоспаться не могу.

— Прости, друг, порадовать тебя не могу. Поднимайся, разгуливайся и к восьми к Ильинским.

— Черт, а я так надеялся на долгий отдых. — Казанец вздохнул. — Ладно, я понял, командир. Пойду в душ, хоть немного взбодрюсь.

— Может, у тебя со здоровьем проблемы? Такой сон явно не является признаком крепкого здоровья, — высказал предположение Богданов. — Доложу начальству, дам отвод от задания...

— Спасибо, командир, я в норме, — поспешил сказать Казанец. — Наверное, сам себя распустил, расслабился. Здоровье точно в порядке.

— Смотри, Юра, если и правда проблемы, лучше переждать.

— Я в норме. Уже и проснулся, и взбодрился. К восьми буду на месте.

Казанец прервал разговор. Богданов с минуты сидел в раздумье, анализируя разговор с подчиненным, затем снова набрал номер телефона

Дубко. Результат оказался прежним. «Где тебя черти носят, Саша? — слегка раздраженно подумал Богданов. — Сроки короткие, а ты трубку не берешь. Без тебя придется ехать?» Перспектива отправиться на задание в беспокойные африканские страны без своего заместителя и верного друга подполковника не прельщала. Тем более что половина отряда — бойцы-новобранцы, так сказать «необстрелянный» контингент.

Из новобранцев, а их в спецподразделении «Дон» на настоящий момент насчитывалось три человека, только один попал на предыдущее задание, да и то проявил себя не с лучшей стороны. Да, прежде чем попасть в спецподразделение, бойцы проходили жесткий отбор, а затем долгие месяцы обучения и подготовки в Учебном центре КГБ, но и это не давало полной гарантии, что боец справится с задачами, которые руководство ставило перед спецотрядом. Физическая подготовка, военная тактика и стратегия, спецдисциплины — все это можно было освоить. Политические нюансы и особенности деятельности на территории сторонних государств нарабатывались в процессе выполнения заданий. Чем больше заданий выполняешь — тем легче вникаешь в специфику работы. А вот в психологическом плане все оказывалось гораздо сложнее, чем представляли себе новобранцы, проходя подготовку в Центре, и это почти всегда создавало проблемы.

Капитан Лепилин поступил под начало подполковника Богданова в конце февраля этого года. С виду спокойный, рассудительный малый, ответственный, в меру исполнительный. Возможно, с юмором перебор, отчего с первых дней получил в группе прозвище Леха-балагур, но Богданов надеялся, что на работе его веселый нрав сказываться не будет. Для того чтобы новичок быстрее влился в коллектив, группу, как всегда, на месяц собрали на базе. Общий режим, тренировки, рукопашка и стрельбище, а в свободное время разговоры по душам. В конце марта группа получила новое задание, но так как количество бойцов, которых рекомендовано было взять на задание, оказалось ограниченным, Лепилин остался в Москве.

К моменту получения второго задания он внезапно подхватил какую-то заразу и загремел в госпиталь. Провалился в госпитале до середины апреля, затем еще неделю находился на домашнем лечении, но в конце апреля все же поправился настолько, что Богданов смог взять его на задание. Тут и обнаружилась «странная особенность» их нового бойца...

Телефонный звонок прервал мысли Богданова.

— Квартира Богдановых, — подняв трубку, произнес он заученную фразу.

— Привет, папа, — в трубке зазвучал голос сына. — Не знал, застану ли тебя дома.

— Привет, сынок, — в голосе подполковника послышались теплые нотки. — Не ожидал звонка. Вы же с мамой сегодня у Зотовых на литературном вечере?

— Да, мы здесь. Сейчас технический пере-
рыв. Типа, мальчики направо, девочки налево.
Я вот позвонить решил.

— И правильно сделал.

— Слушай, я спросить хотел: ты долго еще дома пробудешь?

— С какой целью интересуешься?

— Да тут ребята предлагают на выходные в Подмоскowie сгонять. У Костика родичи дачу купили, просят землю вскопать. Им двенадцать соток до осени копать, а мы с ребятами за выходные все вспашем.

— Ух ты, не знал, что в московских школах теперь землепашество преподают. — Богданов усмехнулся. — Из вашей компании хоть кто-то лопату в руках держал? Двенадцать соток за два дня — серьезное заявление.

— Ерунда! Копать землю не такое уж сложное занятие, тем более когда в награду предлагаются баня и шашлыки.

— К экзаменам подготовка не прилагается? Или вашей компании автоматом выпускные экзамены ставят?

— Ну, папа! Не начинай. Сдам я экзамены, в девятый точно перейду, а больше они ни на

что не влияют. Все поедут: и Слон, и Длинный, и Карамболь.

— Ну, если Карамболь едет, то и тебе непременно нужно там быть, — пошутил Богданов.

— Я серьезно, папа.

— Конечно, поезжай, сынок, если мама не против.

— Она не против... — Артем замялся. — Она с нами поедет.

— Вот как? Под присмотром, значит?

— Не под присмотром, а вместе. Вроде семейного отдыха, — пояснил Артем. — Ты же знаешь, как для нее важно проводить время вместе со мной. Ей почему-то кажется, что, перейдя в девятый класс, я перестану быть ее сыном.

— Женщины, — многозначительно протянул Богданов и добавил: — Это даже хорошо, что у вас с мамой на выходные есть планы.

— Уезжаешь? — догадался Артем.

— Сегодня в восемь сбор.

— Надолго?

— Пока не знаю, но думаю, не на одну неделю.

— Удачи тебе, папа. Жаль, не успеем до отъезда увидеться.

— Ничего. Зато встреча сердечнее получится. Маме привет передавай.

— Передам. Все, мне пора. Сейчас Аникина выступать будет. Она классно стихи читает, не хочу пропустить.

Разговор закончился. Богданов положил трубку на аппарат, взглянул на часы. Стрелки часов приближались к пяти, так что раздумывать на тему «мой сын вырос» времени не оставалось. Он по очереди набрал номера телефонов новичков, сухо сообщил им о времени и месте сбора, после чего снова набрал номер телефона Дубко. На этот раз звонок оказался продуктивным. Дубко снял трубку после шестого гудка и, тяжело дыша, произнес:

— Слушаю.

— Привет, Саша, что так тяжело дышишь? — поздоровался Богданов.

— Да я после пробежки, на этаж поднимался, услышал звонок, — пояснил Дубко. — Подумал: вдруг ты звонишь, вот и торопился.

— Мог бы перезвонить.

— А вдруг не ты?

— Резонно. — Богданов помолчал. — Чего бегать надумал?

— Чтобы форму не терять. Засидишься дома, лишний вес нагонишь, потом избавляйся.

— Не знал, что у тебя проблемы с весом.

— У меня их нет. — Дубко рассмеялся. — Ты чего звонишь-то? Просто поболтать? Твоих опять дома нет?

Дубко был в курсе нововведения Елены, так что вопрос Богданова не удивил.

— Лена с Артемом на литературном вечере у Зотовых, а звоню я тебе по делу, — ответил он. — Сегодня Старцев вызывал.

— Новое задание?

— Да, отчаливаем завтра, а сегодня всем велено прибыть на базу. Ты на своей поедешь или, как все, на автобусе?

Последнее время Дубко предпочитал добираться до базы на личном транспорте, из чего и вытекал вопрос командира.

— Все едут?

— Да, берем всех.

— Заранее обсудить детали нужно?

— Не обязательно. У нас с тобой вся ночь впереди.

— Тогда я на своей, — подумав, ответил Дубко.

— Лепилин?

— Вот еще! — Дубко возмущенно фыркнул. — Просто так удобнее, час времени сэкономлю. Это тебе обязательно с группой ехать, а я — птица вольная. В этом, Слава, прелесть должности твоего зама. Пока вы будете до Ильинки добираться и в автобусе по ухабам трястись, я на своем «Москвиче» напрямки вдую и с комфортом размещусь в домике на базе.

— Хорошо, если так, — задумчиво протянул Богданов. — Не хотелось бы, чтобы личные отношения осложняли рабочий процесс.

— С моей стороны этого можешь не опасаться, — заверил Дубко. — Я парень незлопа-

мятный. И вообще, если каждый раз, когда новички будут самоутверждаться, тратить себе нервы — здоровья не хватит.

— Не думаю, что здесь имело место самоутверждение.

— Брось, Слава, забудь. Плюнь и разотри, как это сделал я.

— Не имею права, Саша, иначе ситуация может повториться.

— Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому два? — хмыкнул Дубко. — Ладно, желаешь сохранить оба глаза — дело твое. Увидимся на базе.

И снова разговор прервался с другой стороны. Богданов в очередной раз положил трубку на телефонный аппарат. До выхода из дома оставался час, и он решил потратить его с пользой. Два месяца назад Артем попросил его повесить в комнате над столом открытые полки, чтобы он мог разложить на них нехитрые мальчишеские сувениры и расставить заработанные за восемь лет в школе и спорте награды. В промежутках между командировками Богданов приготовил все необходимое: рейки, уголки, дюбеля и собственно планки для изготовления полок, но до сборки руки так и не дошли.

Теперь он извлек все это «богатство» из кладовки, отнес в комнату сына, туда же принес дрель и молоток и приступил к работе. Заняться полкой он решил еще и потому, что хотел

отвлечься от инцидента, связанного с Лепилиным. Минут десять хитрость работала, но после того, как работа пошла на автомате, мысли снова вернулись в наезженное русло и потекли в нежелательном направлении. Мысленно он снова перенесся в душный домик, где группа базировалась при выполнении очередного задания.

Утро ничем не отличалось от всех предыдущих. На посту возле дома, за которым они вели слежку, Богданова сменил Казанец, и тот отправился отдыхать. Правда, при смене на посту ему показалось, что Казанец ведет себя слишком сдержанно и чересчур торопится отправить командира с поста, но он списал это ощущение на бессонную ночь. За эту ночь ему трижды пришлось следовать за объектом в разных направлениях, и каждый раз тот приводил его в какой-либо бар, где не происходило ровным счетом ничего примечательного. Парень просто хотел весело провести ночь, вот и все, но Богданова ночка вымотала основательно, поэтому он не стал допытываться у Казанца, все ли у того в порядке, вместо этого поспешил вернуться в дом, чтобы хорошенько выспаться.

Едва переступив порог, он понял, что в его отсутствие что-то произошло. Коля Дорохин сидел возле окна и даже головы не повернул на звук открывающейся двери. В комнате стоял едкий сигаретный дым, а перед Дорохиным —

консервная банка, полная окурков. В руках он держал дымящуюся сигарету, хотя два месяца назад объявил всем, что начинает беспощадную борьбу с пагубной привычкой и берет на себя обязательство к лету полностью избавиться от никотиновой зависимости.

— Привет, Коля! Вижу, никотиновый змей одержал верх над бойцом спецподразделения? — шутливо произнес Богданов, но Дорохин никак на его шутку не отреагировал. Даже не повернулся.

— Где Дубко? — задал вопрос Богданов, чтобы как-то расшевелить товарища.

Дорохин пожал плечами, но не ответил. Богданов прошел на кухню, там Дубко тоже не оказалось. Он сбросил куртку, достал из кастрюли кусок мяса, из холщового пакета — булку хлеба. Отломив кусок, положил на него мясо, откусил от бутерброда и вернулся в комнату.

— Ты лично мне бойкот объявил, Коля, — все еще шутливым тоном спросил Богданов, — или что-то случилось?

— Я в норме, — хрипло ответил Дорохин, но головы так и не повернул.

— Что-то мне не верится, Коля. Когда ты в норме, то хотя бы поешь мне предлагаешь. Я все-таки со смены вернулся.

— Еда на кухне. Наверное.

— Так, — протянул Богданов. — Давай-ка выкладывай, что у тебя стряслось.

— Я в норме.

— Тогда кто не в норме? И где Дубко, где Лепилин? Можешь ты мне ответить?

— Не мое дело, — огрызнулся Дорохин. — Я им не сторож.

— Вот как! С каких пор простой вопрос вызывает такую агрессию? — Ответ Дорохина озадачил Богданова.

— С тех самых пор, когда вы в команду начали набирать всякое дерьмо, — выдал Дорохин. На этот раз он повернулся к командиру и дерзко взглянул ему в глаза.

— А вот с этого места поподробнее. — Богданов уже понял, что речь пойдет о Лепилине, но представления не имел, что тот мог отмочить, сидя в доме.

— Не буду я никому ничего докладывать! — взвился Дорохин. — Кому надо — пусть тот и докладывает.

— Видно, придется тебе напомнить, что я — твой командир. И сейчас не как друг к тебе обращаюсь, а как командир, — четко, с расстановкой произнес Богданов. — А чтобы стало понятнее, повторюсь: капитан Дорохин, доложить о происшествии!

— Плевать мне на твои пояснения и повтора! Задолбало все!

Дорохин схватился за пачку, трясущимися руками выбил сигарету, схватил со стола спички, но прикурить не успел. Одним прыжком

Богданов подскочил к Дорохину и забрал у того сигарету. Сжав ее в кулаке, высыпал табак на пол и встал лицом к лицу с Дорохиным.

— Приди в себя, Коля, — угрожающим тоном произнес Богданов.

С минуту Дорохин стоял напротив командира, сжимая кулаки, готовый кинуться в драку. Затем кулаки разжались, тело расслабилось, он отступил назад и сел на табурет.

— Прости, Слава, погорячился, — негромко произнес он. — Просто все это дерьмо...

— Да что тут у вас произошло? — повторил Богданов.

— Лепилин — говнюк.

— Это я уже понял. Что именно он натворил?

— Выше головы решил прыгнуть. Чуть всех нас не подставил, гад!

— Коля, говори по существу, — потребовал Богданов. — Имей в виду, у меня терпение тоже не беспредельное. Я голоден, устал и хочу спать, а не разбираться в ваших проблемах.

— Лучше пусть Дубко доложит, — заявил Дорохин. — Боюсь, я не смогу быть объективным после такого утречка.

— Ничего, я отделю твои эмоции от действительности. Рассказывай!

Дело оказалось и правда серьезным. В четверть четвертого утра Дорохин встал по нужде и обнаружил у входной двери одетого для вы-

хода на прогулку Лепилина. Он, естественно, удивился и задал резонный вопрос: куда собрался новобранец в чужой стране в три часа ночи? Тот заявил, что решил погулять по близлежащим улицам, так как его одолела бессонница. Лепилинскому трепу Дорохин, естественно, не поверил, так как из соображений безопасности всем членам группы без исключения разрешалось выходить из дома только для выполнения конкретного задания, а, насколько было известно Дорохину, никакого задания Лепилин не получал. Он отгеснил Лепилина от двери и велел выкладывать, что тот задумал, напомнив ему о запрете на выход из дома для всех без исключения.

— В этом-то и проблема, — заявил Лепилин. — Мы две недели здесь торчим, а мне было позволено выйти из дома всего дважды. Меня даже от дежурств отстранили! Почему, не скажешь мне, товарищ капитан?

— Так лучше для пользы дела, — просто ответил Дорохин, и тут Лепилина прорвало.

— Лучше для дела? Не морочь мне голову! Вы две недели ходите вокруг этого осла, за которым ведется слежка, и никакой пользы. А меня в дело не берете, потому что ставите себя выше меня. Только ни черта вы не выше! И насчет вашего осла у меня есть свои соображения. Будь я в деле, давно бы вывел его на чистую воду, получив доказательства того, что это он сливает

информацию о наших агентах конкурирующей организации. Только кто будет меня слушать, если все вы в спецподразделении не первый год, а я всего лишь пришлый новичок?

— И ты решил взять инициативу в свои руки? — Дорохин пропустил мимо ушей все обвинения Лепилина, сосредоточившись на главном. — Не слишком ли много на себя берешь, Леха?

— Вот-вот, я для вас не более чем Леха-балагур? Или думал, не знаю, как вы меня за глаза называете? Думаете, я шут гороховый.

— Почему же за глаза? — Дорохин усмехнулся. — Не нравится прозвище — попробуй вести себя иначе, и прозвище отлипнет.

— Да пошел ты! Без тебя разберусь, как мне себя вести.

— Тоже верно, в свободное время можешь вести себя как угодно. Хоть без штанов по городу бегать, но когда ты на задании, никакой отсебятины мы не потерпим.

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать? Такой же, как и я, капитанишка, а туда же. Отойди от двери, Дорохин! Надоело мне с тобой лясы точить.

— Никуда ты не пойдешь, Лепилин. — Дорохин оперся спиной о входную дверь.

— Желаете силы свои испытать? Я потяжелее тебя буду, мастер спорта международного класса по вольной борьбе, плюс возраст. На

сколько ты меня старше, лет на пять? Вот и подумай, оно тебе надо?

— Выходит, драться со мной надумал? — Дорохин усмехнулся не веря в серьезность намерений Лепилина.

Но тот не шутил. Пару минут он стоял, тупо глядя себе под ноги, а потом вдруг бросился на Дорохина. Вес у Лепилина и правда превосходил вес Дорохина килограммов на двадцать, и в медвежьей хватке у Дорохина затрещали ребра, но он не сплоховал. Один хитрый прием, и Лепилин лежал на полу с заломленными руками. Правда, недолго. Вес сыграл свою роль, Лепилин вывернулся из-под Дорохина, откинул его к стене и рванул к двери.

— Да что за детский сад, — взревел Дорохин. — Я что, по улицам за тобой бегать буду?

А Лепилин уже открывал дверь. Пришлось Дорохину снова броситься врукопашную. Завязалась борьба, на пол полетел табурет, затем посуда с полки. На шум из спальни выбежал заспанный Дубко. Открывшаяся картина его ошеломила. Он застыл в дверях всего на пару секунд, затем громко свистнул и прокричал, не особо надеясь на успех:

— Отставить потасовку!

В этот момент Дорохин в очередной раз заломил руки Лепилина за спину. Удерживая его своим весом на полу, он одной рукой сорвал

с пояса ремень и накинул петлю на руки Лепилина.

— Не стой столбом, майор, — не поворачивая головы, крикнул он Дубко. — Лучше помоги стреножить придурка.

Майор без лишних вопросов перехватил петлю из рук Дорохина и затянул узел на руках Лепилина.

— Ноги тоже вяжи, — скомандовал Дорохин. — А то он у нас, оказывается, бегун.

В этот момент в комнату вошел лейтенант Казанец. Быстро сориентировавшись в обстановке, он бросился на помощь Дорохину.

— Что случилось? — выполняя команду Дорохина, спросил Казанец.

— Сейчас узнаешь, — пообещал Дорохин.

Связав Лепилина по рукам и ногам, Дорохин отволок его от двери и обратился к Дубко:

— У командира сигареты есть?

— Ты же бросил, — выдал Дубко.

Реплика прозвучала глупо, Дорохин хмыкнул и направился в спальню командира. Через полминуты вернулся с пачкой сигарет и коробком спичек, сел на табурет у окна и, закурив, глубоко затянулся. Все это время Лепилин лежал у стены и молчал.

— Теперь расскажешь, что у вас здесь за фигня творится? — задал вопрос Дубко.

— У этого деятеля спроси, — Дорохин кивком указал на Лепилина.

— Что-то мне подсказывает, что говорить он не захочет, — произнес Дубко.

— А ты попробуй. Может, он и тебе расскажет, как тяжело живется новобранцу в спецподразделении.

Говорить Лепилин отказался, пришлось Дорохину докладывать о том, по какой причине произошел конфликт, который привел к таким последствиям. Узнав о том, что Лепилин собирался реализовать какой-то свой план по разоблачению стукача, Дубко сильно разозлился. Битых полчаса он объяснял Лепилину, почему в спецподразделении не приветствуется своеволие, и в итоге получил от него почти такую же отповедь, как до него Дорохин. Разумные доводы не действовали на Лепилина, а под конец беседы он и вовсе перешел на оскорбления, назвав майора «тупоголовым подхалимом», который только и умеет, что чужие приказы исполнять. Этого Дубко не стерпел и решил, что пришло время преподать новобранцу урок. При помощи Казанца он отволок его в сарай, затолкал в клетку для домашней птицы, а сам уселся у входа, караулить строптивного бойца, чтобы тот не натворил новых глупостей.

Пару раз за это время Лепилин предпринимал попытки бунтовать, грозился доложить о неподобающем обращении с офицером КГБ в вышестоящие инстанции, из чего Дубко сде-

лал однозначный вывод: возвращать провинившегося бойца в дом пока не стоит. В итоге к моменту возвращения командира все трое не смогли выспаться. Дорохин сидел на кухне и курил одну сигарету за другой, Дубко нес караул у сарая, а Лепилин предпринимал попытки освободиться. Казанец же заступил на дежурство, проспав едва ли три часа.

Богданова ситуация озадачила: такого в группе еще не случалось, и он попросту не знал, как поступить. Но решать проблему было необходимо. Прежде чем вызывать Дубко, Богданов перекусил. Во-первых, чтобы не сидеть голодным, и во-вторых, чтобы дать себе время переварить информацию. После этого собрался и пошел к сараю. Увидев его, Дубко поднялся, пошел навстречу.

— Вот такие у нас дела, Слава, — произнес он, поравнявшись с командиром.

— Хреновые дела, Саша. — Богданов остановился, прикурил сигарету. — Что думаешь обо всем об этом?

— Зарвался парень, — прокомментировал Дубко. — Решил, что раз он в элитную группу попал, значит, теперь ему все дозволено. Равенства ему подавай, оценивай по достоинству. А какое там достоинство?

— Возможно, ты не прав, Саша, — возразил Богданов. — Первое задание, может, нервы не выдержали. Психологическое напряжение

от работы в чужой стране да без прикрытия не каждый выдержит.

— Значит, делать ему в нашей группе нечего, раз такой чувствительный.

— Не торопись с выводами, Саша. Так мы никогда группу не соберем. Сколько уже в урезанном состоянии работаем? Будем всех отбраковывать — начальство нас самих отбракует.

— С чего бы нас отбраковывать? Или мы с заданиями не справляемся? Сам подумай, Слава, как с таким на задание ходить? Чего еще от него ожидать?

— Послушаем, что он сам скажет, — предложил Богданов и вошел в сарай.

Лепилин лежал на полу в птичнике и смотрел в потолок. При появлении командира он повернулся лицом к входной двери. Пару минут Богданов молча рассматривал новобранца. Затем нашел какой-то ящик, поставил на попа, сел напротив Лепилина и проговорил:

— Мне доложили, что ты недоволен тем, как я использую человеческие ресурсы? — Лепилин промолчал, и Богданов продолжил: — Почему мне не сказал? Почему решил действовать за моей спиной?

— Я не действовал за чьей-то спиной, просто так сложилось!

— Просто сложилось, что ты решил взять инициативу в свои руки в мое отсутствие? Не вчера, не завтра, а именно сегодня?

— Просто так сложилось, — упрямо повторил Лепилин. — У меня было время подумать, я осознал, что поступил глупо и необдуманно, но время вспять не повернешь. Что теперь?

— Зависит от тебя, — выдержав паузу, произнес Богданов. — Если твоя выходка не более чем сиюминутный порыв, с этим мы справимся, но если такое поведение является нормой для тебя, нам придется расстаться. Причем немедленно. Я напишу рапорт в Москву, и тебя отзовут.

Лепилин крепко задумался. Он уже не был ни разъярен, ни обижен, а только жалок. В конце концов он заявил, что его выходка, продиктованная неверно сделанными выводами, больше не повторится, и командир может рассчитывать на его полное повиновение. Так как отправить Лепилина в Москву немедленно у Богданова на самом деле возможности не было, он сделал вид, что поверил бойцу. Из сарая его выпустили, и до окончания дела больше инцидентов с его стороны не случилось.

По возвращении в Москву жалоб на действия командира и членов спецподразделения не поступило. Дорохину и Дубко Лепилин принес извинения в присутствии всей группы, и инцидент вроде как замяли, списав действия новобранца на психологическую нагрузку, полученную при выполнении первого задания. Но, как говорится, осадочек остался,

и это вызывало у командира опасения. Он постоянно задавал себе вопрос, правильно ли поступил, оставив Лепилина в группе, и никак не мог прийти к однозначному ответу. «Поживем — увидим», — каждый раз приходил Богданов к такому выводу в своих размышлениях...

Вот и сейчас, в очередной раз прокрутив в голове сложившуюся с Лепилиным ситуацию, он решил, что время покажет, стоило ли оставлять парня в группе.

Полки в комнате сына обрели законченный вид. Богданов убрал инструменты в кладовку, прибрал за собой в комнате, погасил в квартире свет, забросил на плечи рюкзак и вышел из дома.

ГЛАВА 2

К площади Ильинские Ворота, постоянно-му месту сбора спецподразделения «Дон», Богданов подъехал без четверти восемь. Автобус, на котором группа добиралась до базы, стоял на парковке. У открытого капота с озабоченным видом стоял водитель группы, Григорий Иванько. У ворот, ожидая отправки, собралась вся группа. Богданов пересек дорогу, дошел до автобуса и остановился рядом с водителем.

— Привет, Гриша! — Он протянул водителю руку для рукопожатия.

— Добрый вечер, Вячеслав Антонович. Прости, руки не пожму, весь в масле. — В подтверждение своих слов Иванько продемонстрировал кисти рук, испачканные моторным маслом.

За долгие годы совместной работы Иванько и Богданов давно перешли на «ты», но обращался к командиру спецподразделения Иванько неизменно по имени-отчеству, выражая таким образом уважение к его званию и должности.

— Что, снова проблемы с движком? — Богданов сочувственно покачал головой.

— А как не будет проблем, Вячеслав Антонович? — Тринадцать лет автобус не меняли. Как выдали в шестьдесят втором, так я с ним и не расставался. Всем в Управлении уже минимум по два раза новый транспорт пригоняли, а мне — шиш.

— Знаю, Гриша, но кто же виноват, что из всех водителей один ты с капризной техникой справляешься? Видимо, в хозяйственном отделе считают, что твой автобус свой ресурс еще не исчерпал.

— Ага, или экономят на мне, чтобы себе поновее тачку выписать. — Иванько негромко выругался. — Хоть бы ты за меня словечко перед полковником Старцевым замолвил. Ведь встанет транспорт, на чем тогда до базы добираться будете?

— Так ты не ремонтируй, — посоветовал Богданов. — Скажи — ремонту не подлежит, тогда сразу новый автобус получишь.

— Не могу я так, Вячеслав Антонович, ты же знаешь. Ночами спать не буду, пока не выясню, что не так с моим железным конем, а кое-кто этим пользуется.

— Согласен, «ПАЗ-652» из моды давно вышел, а тебе, наверное, на «луноходе» погонять хочется.

«Луноходом» в обиходе называли «ЛиАЗ-677», который с шестьдесят седьмого года выпускал Ликинский автобусный завод. Марка этого

автобуса оказалась настолько удачной, что через пять лет после выхода с конвейера «шестьсот семьдесят седьмой» стал неотъемлемым атрибутом любого городского пейзажа, да еще поставлялся на экспорт.

— Шикарная модель. — Иванько поцокал языком, выражая свое восхищение. — Бензиновый движок мощностью в сто восемьдесят лошадок, скорость до семидесяти километров в час, двухступенчатая гидромеханическая автоматическая коробка передач. Можно сказать — прогрессивное решение. Бензина, правда, жрет больше, чем гиппопотам травы, но зато какой плавный ход! Только кто мне его даст? Он рассчитан на перевозку более ста пассажиров зараз, а у меня едва ли десяток набирается. Эх, видно, придется до пенсии под «пазиком» проваляться. А то, глядишь, и на пенсию вместе с ним пойдем.

— Ого, ты никак на пенсию собрался? С чего бы вдруг? — удивился Богданов. — Тебе до пенсии еще лет десять.

— Семь, — поправил Иванько. — Пятьдесят три в прошлом месяце стукнуло.

— Тогда с чего разговоры про пенсию?

— Возможно, придется досрочную оформлять, — Иванько вздохнул. — Не хочется насыщенное место терять, да деваться некуда.

— В семье проблемы? — догадался Богданов.

— Да Иринка опять... — Иванько не закончил фразу, махнул рукой.

О проблемах в семье Иванько подполковник Богданов был осведомлен не так давно. До этого он считал, что у Григория в семье нет никаких проблем: любимая работа, любящая, заботливая жена, умница дочь, возможно, слишком рано выскочившая замуж, но уважительная и трудолюбивая. Чего еще простому мужику для счастья надо? Того же мнения о своей жизни был и сам Григорий. Но...

Год назад у Иванько умерла жена. Тогда же он узнал об истинном положении дел в семье дочери Ирины. Муж ее, чиновник среднего звена московского госаппарата, оказался весьма неприятной личностью. Мало того, что за последние годы он пристрастился к спиртному, так еще начал руку на жену поднимать. Когда же Иванько решил разобраться с ним по-мужски, дочь закатила истерику, заявив, что любит мужа и отец не имеет права вмешиваться в их личную жизнь. Иванько отступил, но ситуация с каждым днем становилась все хуже, и теперь он подумывал о том, чтобы увезти дочь из Москвы насовсем. Как говорится: с глаз долой — из сердца вон.

— Снова зять дебоширит? Хочешь, я с ним потолкую? — предложил Богданов. — Припугну как следует, может, хоть руки распускать перестанет.

— Спасибо, Вячеслав Антонович, не стоит. Толку от разговоров не будет, пока Иринка сама не поймет, что лучше никакого мужа, чем такой. Хоть бы родила, что ли, от этого недочеловека, все какая-то отрада.

— Может, и к лучшему, что не рожает. С такими генами не знаешь, что в результате получишь. К тому же, если муж из него никудышный, то и отец будет такой же.

— Тоже верно. Только жалко ее. Двадцать пять уже, а детей нет. Что это за жизнь, Вячеслав Антонович, без детей-то? А так, глядишь, и муж остепенился бы.

— Может, и так, — не стал спорить Богданов.

— Ладно, пойду гайки крутить, а то твои архаровцы уже устали ноги мять в ожидании отправления.

Богданов перевел взгляд на группу. Бойцы скучковались ближе к воротам и в нетерпении бросали взгляды в сторону командира.

— Долго тебе еще? — спросил Богданов у Иванько.

— Почти закончил. Две гайки на место вернуть, руки оттереть — и можно ехать.

— Тогда я сажаю в транспорт группу?

— Сажай, Вячеслав Антонович, двери я откроею.

Богданов забросил свой рюкзак в автобус и направился к группе.

— Здорово, бойцы, — бодро поздоровался он.

— Здравия желаю, товарищ командир.

— Здравия желаю.

— Здорово, командир, — посыпались приветствия.

— Вижу, все в сборе?

— Саши Дубко нет, — за всех ответил Коля Дорохин.

— Он своим ходом доберется, — ответил Богданов. — Пойдемте грузиться, бойцы.

Группа направилась к автобусу. Николай Дорохин придержал командира за руку.

— Куда нас, командир? — негромко спросил он.

— Все сообщу на базе, — ответил Богданов.

— Идем всей группой?

— Полагаю, тебя интересует, идет ли с нами Лепилин? — догадался Богданов. — Да, Коля, он тоже идет. У тебя с ним какие-то проблемы?

— У меня проблем нет, — пожал плечами Дорохин. — Опасаюсь, как бы у тебя снова не возникли с ним проблемы.

— Когда возникнут, тогда и будем их решать. Сейчас проблем нет? Значит, и обсуждать нечего, — отрезал Богданов. — Не нагнетай, Коля. Расслабься и попытайся абстрагироваться от ситуации.

Дорохин не ответил, только ускорил шаг, оставляя командира позади.

Погрузились в автобус. Иванько закончил ремонтные дела, обтер руки о сухую ветошь и занял водительское место.

— Ну, что, ребята, погнались? — весело произнес он, завел двигатель и поехал к выезду из города.

Дорога до базы заняла, как всегда, тридцать минут. Остановив автобус у въездных ворот, Иванько открыл дверь. Подполковник Богданов вышел из автобуса и направился к сторожке, выполняющей функции контрольно-пропускного пункта. С некоторых пор въезд на территорию загородной базы проходил по новым правилам. Командир подразделения должен был лично поставить подпись в журнале у сменного командира взвода, предъявив при этом не только выписанный в Управлении пропуск, но и личные документы, удостоверяющие личность. Тот факт, что дежурные командиры знали весь комсостав в лицо, ничего не менял. До предъявления документов дежурный наряд шлагбаум не поднимал.

— Здравия желаю, — войдя в помещение сторожки, поздоровался Богданов. На посту стоял капитан Екимкин с командой новобранцев.

— Здравия желаю, товарищ подполковник, — отковырял Екимкин. — Снова к нам?

— Такая работа. — Богданов достал удостоверение и пропуск. — Я смотрю, у вас офицеры наравне с салагами службу несут. Похвально.

— На этой неделе усиление, — пояснил капитан Екимкин. — Весь офицерский состав до майорского звания наряды контролирует. Передаем, так сказать, военный опыт.

— Военный опыт на КПП? Забавно. — Богданов усмехнулся. — Запишешь?

— Что сказать? Армия. И когда только им надоест бумагу переводить? — Досадливо качая головой, Екимкин взял документы и принялся старательно заполнять в журнале графы. — За месяц журнал изводим, и ведь по большей части приезжают-уезжают все свои. Ладно бы еще чужаков вписывать приказали, так нет, им этого мало. Пиши всех подряд, и чтобы без помарок. А напортачишь — придется весь журнал переписывать.

— Так вот почему ты сам журнал заполняешь. — Богданов улыбнулся. — Чтобы молодняк ошибок в твоём образцово-показательном журнале не наделал.

— Смешно вам, товарищ подполковник, а я за эту неделю трижды объяснительные вышестоящему начальству писал. — Екимкин закончил с документами и протянул их Богданову. — Продуктивно потренироваться вам, товарищ подполковник.

— Спасибо, — поблагодарил Богданов и покинул КПП.

Наряд контрольно-пропускного пункта поднял шлагбаум, автобус въехал на территорию ба-